

Марина Гутовская

Белорусский государственный университет

Филологический факультет

ул. К. Маркса, 31, 220050 Минск, Республика Беларусь

E-mail: marina-gutovskaya@yandex.by

Область научных интересов автора: когнитивная лингвистика, семантика, фразеология

ТРИ ВИДА ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНОКОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ

В статье рассматривается этноспецифичная фразеология – фразеология, воплощающая межъязыковые различия, – относительно фразеологических корпусов русского и английского языков. Ставится под вопрос сложившееся мнение о том, что этноспецифичность во фразеологии определяется исключительно особенностями национальной культуры. Разграничиваются три вида фразеологической этноспецифичности – этнолингвистическая (обусловленная отличительными чертами национального языка), этнокультурная (связанная с самобытностью национальной культуры) и этнокогнитивная (детерминированная своеобразием национального видения мира). Перечисляются характеристики фразеологизмов, образующих каждый из трех видов этноспецифичности, и очерчивается круг вопросов этноспецифичной фразеологии, нуждающихся в исследовании в традиционно лингвистическом, лингвокультурологическом и лингвокогнитивном ключе. Показывается возможность сосуществования в одном фразеологизме нескольких видов этноспецифичности. Отмечается, что для осмысления этноспецифичных фразеологизмов трех видов требуется различная степень погружения в «чужое» лингвокультурнокогнитивное пространство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеология, этноспецифичность, этнолингвистическая, этнокультурная и этнокогнитивная специфичность.

1. Проблематика. Цель

Исследование проблемы национальной специфичности во фразеологии имеет давние традиции (Телия 1996; Добровольский 1997; Гак 1999; Мокиенко и др. 2002; Верещагин 2005; Ковшова 2012). Однако до сих пор не выработано единое мнение по ряду ключевых вопросов. Существуют различные подходы в понимании объема национально маркированных фразеологизмов. Одни

фразеологи придерживаются здесь широкого подхода – считают национально специфичными широкий круг фразеологических явлений, в частности признают национально окрашенными все идиоматичные фразеологизмы. Другие занимают противоположную позицию – относят к числу национально отмеченных только те фразеологизмы, в состав которых входят наименования реалий. Третьи – фразеологи, работающие

в сопоставительном ключе, – квалифицируют как национально специфичные фразеологизмы, воплощающие собой межъязыковые различия. Спорным является и представление о природе национальной специфичности фразеологии: она традиционно связывается со спецификой национальной культуры.

Опыт сопоставительного изучения фразеологических фондов разных языков показывает, что не все национально специфичные фразеологизмы (фразеологизмы, манифестирующие языковые отличия) требуют интерпретации в терминах культуры. У этноса есть три основных атрибута – национальные язык, культура и мировидение. Каждый из этих атрибутов отображается в национальной фразеологии. Поэтому представляется естественным различать три вида специфичности во фразеологии: этнолингвистическую, этнокультурную и этнокогнитивную специфичность¹. В предлагаемой работе разграничиваются, характеризуются и иллюстрируются названные виды фразеологической этноспецифичности (пункты 2–4), отмечается возможность проявления нескольких видов этноспецифичности в одном фразеологизме (пункт 5), обосновывается теоретическая и практическая целесообразность выделения трех видов этноспецифичности во фразеологии (пункт 6). Этноспецифичность рассматривается относительно фразеологических составов русского и английского языков.

2. Этнолингвистическая специфичность фразеологии

Обусловлена особенностями национального языка. Лингвистически детерминирована этноспецифичность фразеологизмов с осложненной собственно языковыми факторами «оболочкой», формой. Самобытной формой обладают фразеологизмы, построенные на основе каламбура (*кормить завтраками*), рифмы и ритма (*сами с усами, ни складу ни ладу*), тавтологического повтора (*хоть пруд пруди*), на игре антонимов (*ни богу свечка ни черту кочерга*), синонимов (*из огня да в полымя*) и т. п. Примером проявления своеобразия английского языка в оформлении своих фразеологизмов может служить английский рифмованный сленг, в котором каждое подразумеваемое слово заменяется на рифмующееся с ним, но, в основном, далекое по смыслу словосочетание – *loaf of bread* (рифмуется с *head* ‘голова’; сленг восточной части Лондона – кокни), *Queens Park ranger* (рифмуется со *stranger* ‘чужак, незнакомец’; сленг западной части Лондона), *apple pies* (рифмуется с *eyes* ‘глаза’; американский сленг) (примеры А. А. Емельянова (2006)).

Этноспецифичными в лингвистическом плане также являются разноязычные фразеологизмы со схожей семантикой, но отличной образностью, если последняя базируется на общих для всех людей ситуациях и ассоциируется у представителей разных языковых сообществ с одной и той же сущностью («межъязыковая» (Алефиренко 2008: 53), или «натуральная» (Райхштейн 1980: 45), образность). Например, несовпадающие по образной основе фразеологизмы *быть / находиться на краю пропасти* и *to be on thin ice* (букв. «находиться на

¹ Возможность выделения во фразеологии трех названных видов этноспецифичности в первом приближении рассматривалась в других работах автора (Гутовская 2010; Гутовская 2011).

тонком льду») неизменно связываются у русско- и англоговорящих людей с опасностью, фразеологизмы *сулить золотые горы* и *to promise the moon and the stars* (букв. «обещать луну и звезды») осознаются как обещания невозможного, а значит и несбыточного. Несходство образных основ таких фразеологизмов объясняется «несовпадением техники номинации» (Баранов *и др.* 2008: 252) и является «языковой случайностью» (Баранов *и др.* 2008: 263). В процессе формирования фразеологической номинации отдельного феномена мира выделение тех его признаков, которые послужат основой номинации, и выбор феномена, ассоциативно соотносимого по этим признакам с номинируемым, являются индивидуальными в каждом конкретном случае и часто случайными (Залевская 2007: 185–187). Поэтому в разных языках один и тот же феномен может быть представлен несхожим способом, ср.: *тонкая вермишель* и *angel hair* (букв. «волосы ангела»), *стрелка часов* и *clock hand* (букв. «рука часов»), *собака* в значении ‘знак адреса в электронной почте’ и *a in a circle* (букв. «a в круге»).

Этнолингво-специфичными являются и фразеологизмы, имеющие общую образную основу, но несколько различающиеся в семантике – в эмоционально-экспрессивном и/или функционально-стилистическом компонентах значения (при совпадении сигнификативно-денотативного и субъективно-оценочного компонентов значения) или в объеме семантики, совокупности своих значений. Так, русский фразеологизм *лоно Авраамово* и английский *Abraham's bosom* (букв. «Аврамова грудь») не совпадают по функционально-стилистическому компоненту значения: русское выраже-

ние имеет возвышенную стилистическую окраску (по причине наличия в нем архаизированного компонента *лоно*), английское – просто книжную. Русский фразеологизм *Ноев ковчег* и английский *Noah's Ark* (букв. «Ноев ковчег») отличаются по семантическому объему: единственным значением английского выражения является ‘средство спасения’, русское выражение используется прежде всего как шутливо-ироничное обозначение дома или другого помещения, заполненного множеством людей.

Лингвистически обусловлены незначительные (не влияющие на образность) компонентные и морфологические различия семантически соотносимых разноязычных фразеологизмов. Например, близкие по значению фразеологизмы *вертеться на языке* и *to be on the tip of the tongue* (букв. «быть на кончике языка») несколько отличаются по компонентным составам, но глагольные компоненты в них выступают в качестве ситуативных синонимов, а компоненты *на языке* и *on the tip of the tongue* связаны отношениями метонимии (целое – часть). Фразеологизмы *кожа да кости* и *skin and bone* (букв. «кожа и кость») со значением ‘крайне худой, изможденный’ различаются категорией числа существительных *кости* и *bone*.

Этнолингво-специфичны и фразеологизмы, не имеющие в привлекаемом к сопоставлению языке фразеологических эквивалентов, но имеющие однословные (в виде отдельного слова) семантические соответствия (лингвистически обусловленная межъязыковая фразеологическая безэквивалентность). Так, английскому фразеологизму *to shout the odds* (букв. «кричать о преимущество, превосходстве») в русском

языке семантически соответствует слово *хвастаться*, фразеологизму *ringtail snorter* (букв. «фыркальщик, имеющий окрашенный разноцветными кольцами хвост») соответствует слово *хвастун*.

Этноспецифичность приведенных выше и им подобных фразеологизмов связана со своеобразием фоносемантического и/или структурного оформления, несовпадением техники номинации, особенностями возникновения и жизни фразеологизмов в языках, номинативными предпочтениями языков. Лингвистически обусловленная фразеологическая этноспецифичность изучается в рамках традиционной лингвистики.

3. Этнокультурная специфичность фразеологии

Связана с самобытностью национальной культуры. Заметим, что культурная маркированность может интерпретироваться исследователями фразеологии несколько по-разному. Например, Д. О. Добровольский и А. Н. Баранов считают, что культурная релевантность фразеологизмов определяется их возводимостью к «знаковым системам, стандартно относимым к традиционной народной культуре», главным образом к фольклору, мифам, верованиям (Добровольский 1997: 40, 48): «в качестве культурно-значимых рассматриваются только те явления, которые имеют соответствия в нескольких культурных кодах» (Баранов и др. 2008: 258). Несколько более широко культурную отмеченность во фразеологии трактует В. Г. Гак: «культурная специфика фразеологизма определяется соотношением его с элементами материальной или духовной культуры данного общества, его истории, верований, обычаев, природно-географического кадра, в котором

живет данный народ» (Гак 1999: 261). В предлагаемой работе принимается второе (широкое) понимание культурного компонента фразеологизмов.

Культурно обусловлена этноспецифичность фразеологизмов, в состав которых входят наименования реалий, – *здать баню* ‘сильно ругать кого-либо; делать выговор кому-либо’, *не лантем ци хлебать* ‘быть не хуже других в каком-либо отношении’, *to earn brownie points* (букв. «зарабатывать скаутские очки»); *brownie* – девочка-скаут младшего возраста) ‘угождать кому-либо’, *to try to put a quart into a pint pot* (букв. «пытаться поместить quart в pint горшок»); *quart* – единица объема в системе английских мер, в Великобритании равна 1,136 литра; *pint* – единица объема в системе английских мер, в Великобритании равна 0,568 литра) ‘стараться сделать невозможное’.

Этноспецифичными в культурном смысле также являются фразеологизмы, образная основа которых отсылает к традиционной народной культуре (фольклору, мифам, верованиям) или связана с историей народа, его бытом, социальным и политическим укладом, природной и географической средой. Например, образ фразеологизма *кикимора болотная* ‘о некрасивом, неопрятно одетом человеке; о нелюдимом, чуждающемся общества и угрюмом человеке’ восходит к женскому персонажу русской мифологии, образ фразеологизма *мамаево побоище* ‘о большой ссоре, драке; о полном беспорядке’ связан с реальным событием русской истории, образ фразеологизма *не мытьем, так катаньем* ‘не одним, так другим способом’ соотносится с традиционным крестьянским бытом – «женщины стирали (мыли), а затем катали белье,

т. е. разглаживали его вращательными движениями при помощи катка, валька и скалки» (БФСРЯ: 467). Английский фразеологизм *the pot of gold at the end of the rainbow* (букв. «горшок золота в том месте, где радуга касается земли») ‘несбыточная мечта’ восходит к народной сказке, которая гласит, что в том месте, где радуга касается земли, можно найти горшок золота (LID: 104), фразеологизм *to bring home the bacon* (букв. «принести домой копченую свиную грудинку») ‘добиться успеха’ – к бытовавшей в старой Англии традиции, позволявшей мужчине, который мог на пороге церкви честно сказать, что не сердился на свою жену в течение года и одного дня, забрать домой большой кусок копченой свиной грудинки (за 500 лет случалось такое восемь раз) (LID: 13), фразеологизм *to give somebody a sack* (букв. «выдать кому-либо мешок») ‘уволить; отказать жениху’ – к существовавшей в XIX в. практике выдавать уволенному с фабрики рабочему мешок, в котором он относил домой свой рабочий инструмент (LID: 293).

Этнокультурно-специфичными являются и фразеологизмы, которые соотносятся с культурно-историческими, социально-политическими и природно-географическими реалиями своими актуальными значениями, т. е. называют эти реалии: *пионерский костер* ‘торжественный сбор пионеров у зажженного костра или у имитации костра’, *новые русские* ‘о русских предпринимателях, деловых людях нового типа’, *young barbarians* (букв. «молодые варвары») ‘о студентах-бездельниках, отпрысках аристократических фамилий’, *the old lady of Threadneedle Street* (букв. «старая леди с Треднидл-стрит») – шутивное название английского банка (назван старой леди

из-за своего консерватизма, Треднидл-стрит – улица, на которой он находится). Фразеологизмы, номинирующие реалии, часто не имеют эквивалентов в других языках (культурно обусловленная межъязыковая фразеологическая безэквивалентность).

Для интерпретации этнокультурно-специфичных фразеологизмов необходимы знания культурологического и страноведческого характера (знание культуры и жизни этноса). Культурно обусловленная фразеологическая этноспецифичность изучается лингвокультурологией.

4. Этнокогнитивная специфичность фразеологии

Детерминирована своеобразием национального мировидения. Когнитивно обусловлена этноспецифичность фразеологизмов, которые фиксируют феномены, присутствующие в реальности обоих языковых сообществ, но замеченные фразеологией лишь одного из языков и проигнорированные фразеологией другого. Например, наличие в английском языке фразеологизмов *glass ceiling* (букв. «стеклянный потолок») ‘система взглядов, согласно которым женщины не должны допускаться к высшим должностям’ и *football / golf / tennis widow* (букв. «футбольная / гольфная / теннисная вдова») ‘женщина, чей муж все свое время проводит за занятием или просмотром какого-либо спорта’ свидетельствует о том, что англоязычное сознание замечает, вычленяет соответствующие феномены мира. На фоне фразеологии русского языка фразеологизмы *glass ceiling* и *football / golf / tennis widow* оказываются безэквивалентными – явления, называемые английскими фразе-

ологизмами, представлены и в русской среде, однако они не замечаются русскоязычным сознанием и не фиксируются фразеологическими (и однословными) средствами (когнитивно обусловленная межъязыковая фразеологическая безэквивалентность).

Когнитивно этноспецифичными также являются фразеологизмы, объективирующие отличия в детальности восприятия одних и тех же феноменов действительности. К примеру, английское фразеологическое изображение заложников спора, конфликта – лиц, невольно оказавшихся вовлеченными в ситуацию спора и имеющих перспективу в результате него пострадать, – оказывается более детальным, чем русское. Английская фразеология не только выделяет заложников спора как отдельную группу участников спора (*to get caught in the crossfire* (букв. «попасть под перекрестный огонь»)), но и различает в этой группе три подгруппы: 1) лиц, состоящих в дружеских отношениях с обоими спорящими и испытывающих известный дискомфорт в ситуации спора между ними (*to be the meat in the sandwich* (букв. «быть мясом в сэндвиче»)); 2) лиц, связанных с обоими спорщиками деловыми отношениями, на которых оба спорщика оказывают давление, требуя поддержки с их стороны (*to be piggy in the middle* (букв. «быть поросенком в середине»)); 3) лиц, ставших свидетелями спора и вынужденных высказываться крайне осторожно, чтобы не обидеть одного из спорщиков и не нажать себе врага в его лице (*to walk a tightrope* (букв. «передвигаться по натянутому канату»))². Русская фразеология

не дифференцирует заложников спора, конфликта по типу их отношений с непосредственными участниками спора, а лишь самым общим образом отмечает специфичность их положения: *находиться между молотом и наковальней* ‘быть в тяжелом положении, оказавшись между двумя враждебными сторонами’, *между двух огней* ‘в положении, когда опасность грозит с двух сторон’. Русские и английские фразеологические наименования заложников спора семантически близки (приводятся в качестве переводных соответствий в двуязычных фразеологических словарях), но все же существенно отличаются по семным составам сигнификативно-денотативных значений³.

При изучении этноспецифичности во фразеологии межъязыковые различия в наборах фразеологически выраженных значений (определяются случаями, описанными в двух предыдущих абзацах) обычно не рассматриваются, так как считается, что «набор актуальных значений, представленных во фразеологии, в достаточной степени универсален» (Баранов и др. 2008: 260). Представляется,

---

спорящими сторонами: как находящееся между двумя ломтиками хлеба мясо в сэндвиче (*to be the meat in the sandwich*), как находящийся в середине игрок в детской игре для троих, который должен перехватывать перебрасываемый между двумя другими игроками мяч (*to be piggy in the middle*), как канатоходец, балансируя передвигающийся по натянутому канату, метафорически обозначающему границу между позициями противоборствующих сторон (*to walk a tightrope*), как оказавшийся под перекрестным огнем (*to get caught in the crossfire*). Следовательно, перечисленные третьи лица, связанные с непосредственными участниками спора либо отношениями, либо во времени и пространстве, осмысливаются англоязычным сознанием не как сторонние наблюдатели, а как находящиеся в гуще событий спора.

² Третьи лица спора, конфликта представлены в английской фразеологии как находящиеся между

³ Подробно об этом говорится в другой работе автора (Гутовская 2014).

что обращение к составам передаваемых фразеологизмами актуальных значений может позволить продвинуться вперед в изучении проблемы этноспецифичности во фразеологии, в частности выявить особенности фразеологической концептуализации единого мира разными языковыми сообществами.

Когнитивно детерминированными являются и различия в совокупной представленности одних и тех же феноменов действительности во фразеологических фондах разных языков. Фразеологическая представленность некоторого феномена может варьировать от языка к языку: для его наименования в одном языке может иметься большое количество фразеологизмов, а в другом – сравнительно небольшое количество фразеологизмов, или они могут отсутствовать вовсе. Степень репрезентации отдельного феномена фразеологическими единицами конкретного национального языка прямо коррелирует со степенью его значимости для носителей этого языка: чем выше значимость феномена, тем больше у него фразеологических наименований (Кравцов 2008: 221–222; Ковшова 2012: 172). Такая корреляция может рассматриваться в качестве фразеологической реализации закона притяжения синонимов С. Ульмана.

Этнокогнитивно-специфичными являются и фразеологизмы, которые базируются на моделях переосмысления, не имеющих когнитивных аналогов во фразеологии языка сопоставления. Такие фразеологизмы отображают уникальные представления отдельного языкового социума о связях и отношениях феноменов мира. Носителям тех языков, которым не известны соответствующие модели переосмысления, бывает сложно понять

возводимые к ним фразеологизмы, правильно соотнести два плана их семантики – деактуализированный прямой и актуальный переосмысленный, или, в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, правильно соотнести область-источник (source domain) и область-цель (target domain) (Lakoff *et al.* 1980). Так, английский фразеологизм *to wipe the floor with somebody* (досл. «вытирать пол кем-либо») со значением ‘побеждать кого-либо, одерживать верх над кем-либо в соревновании или споре’ будет не вполне понятен носителям русского языка, так как прямой план фразеологизма – «вытирание пола кем-либо» – в русскоязычном сознании ассоциируется не с отношениями между победителем и побежденным, а, скорее, между унижающим и униженным (ср. русский фразеологизм *вытереть ноги о кого-либо* со значением ‘унизить кого-либо’). Также сложным для интерпретации может оказаться фразеологизм *to take one’s life in one’s own hands* (досл. «взять свою жизнь в свои собственные руки») со значением ‘делать что-либо опасное или рискованное’ – в русскоязычном сознании «взятие своей жизни в свои собственные руки» ассоциативно соотносится не с риском, а, скорее, с идеей самостоятельности и независимости.

Этноспецифичность такого рода фразеологизмов определяется когнитивными особенностями конкретной языковой общности – особенностями членения и присвоения ею мира и самобытностью ее ассоциативно-образной базы. Когнитивно обусловленная фразеологическая этноспецифичность исследуется лингвокогнитивистикой.

5. Отметим, что **языковое, культурное и когнитивное могут сосу-**

ществовать в этноспецифичном фразеологизме – этноспецифичный фразеологизм может быть маркирован более чем в одном плане. Например, английский фразеологизм *Quaker(s') meeting* (досл. «собрание квакеров») ‘собрание, на котором мало выступают; компания, в которой разговор не клеится’ является этнокультурно и этнокогнитивно специфичным. У него культурно маркированы компонентный состав (*Quaker* – квакер, член религиозной христианской общины, основанной в Англии в XVII в.) и образная основа (образ фразеологизма отсылает к традициям общества квакеров – молитвенные собрания квакеров часто проходят в полном молчании (Квакеры, эл. ресурс)), когнитивно отмечен актуальный план его семантики (выражаемое этим фразеологизмом значение представлено в английском фразеологическом семантическом инвентаре, но отсутствует в русском, несмотря на наличие в русской реальности называемой английским фразеологизмом ситуации). Этноспецифичность русского фразеологизма *наводить тень на плетень* ‘намеренно запутывать, делать неясным что-либо, сбивать кого-либо с толку’ обусловлена совместным действием двух факторов: языкового (компоненты фразеологизма связаны в единое целое рифмой) и культурного (оборот отражает «насмешливое отношение народа к суеверным представлениям о сглазе, порче тенью или способности знахарей и колдунов вызывать плохую погоду магическими манипуляциями» (БМС: 689)).

Детерминационная зависимость сознания и культуры отражается во фразеологизмах, имеющих в своем составе компоненты-символы. Символ как со-

вокупность культурной информации, значение которой общеизвестно в определенной этнической среде, отражает культурно детерминированное этническое мировидение и является сущностью культурно-ментальной. К примеру, интерпретация образа вытянутой руки, закрепленного во фразеологических единицах многих языков, национально обусловлена. В зависимости от принятых в том или ином этническом сообществе коммуникативных норм расстояние между двумя коммуникантами, равное длине вытянутой руки, может восприниматься как достаточное для сохранения социального расстояния – *to keep somebody at arm's length* (досл. «держат кого-либо на расстоянии вытянутой руки») ‘избегать с кем-либо близких отношений’ (ср. менее конкретный русский фразеологизм *держат кого-либо на известном (на почтительном) расстоянии* с тем же значением), и как подходящее для дружеских отношений – в иврите выражение с идентичной английскому фразеологизму образной основой означает ‘быть в близких отношениях с кем-либо’ (Keysar *et al.* 1999).

6. Предлагаемое в работе разграничение трех видов специфичности национальной фразеологии – этнолингвистической, этнокультурной и этнокогнитивной – хотя и проводится с определенной долей условности (этноспецифичность фразеологизма может создаваться одновременным действием нескольких факторов), имеет значительные **теоретические и практические следствия**. Предлагаемое разграничение может способствовать решению теоретических задач – например, позволяет очертить круг проблем фразеологии, нуждающихся в рассмотрении в лингви-

стическом, лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах. Такое разграничение также может оказаться полезным в практике преподавания иностранных языков: осмысление трех видов этноспецифических фразеологизмов – фразеологизмов, воплощающих языковое, культурное и когнитивное своеобразие –

требует различной степени погружения в «чужое» лингвокультурнокогнитивное пространство – присвоения только языкового пространства, лингвокультурного пространства и лингвокультурнокогнитивного пространства соответственно. Поэтому знакомить учащихся с ними целесообразно на разных этапах обучения.

Литература

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., 2008. *Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма*. Белгород: Изд-во БелГУ.

БАРАНОВ, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О., 2008. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.

БМС – БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И., 2005. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель: АСТ: Люкс.

БФСРЯ – *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*, 2006. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г., 2005. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы*. Москва: Индрик.

ГАК, В. Г., 1999. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. *In: Ред. В. Н. ТЕЛИЯ. Фразеология в контексте культуры*. Москва: Языки русской культуры, 260–265.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О., 1997. Национально-культурная специфика во фразеологии (I). *Вопросы языкознания*, № 6, 37–48.

ЕМЕЛЬЯНОВ, А. А., 2006. *Английский рифмованный сленг (теоретико-экспериментальное исследование)*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Иваново: Ивановский государственный университет.

Квакеры. Молитвенное собрание. *In: Википедия*. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Квакеры>. (См. 10.02.2014).

ГУТОВСКАЯ, М. С., 2010. Языковые, культурные и когнитивные основания межъязыковых различий во фразеологии. *In: Ed. R. GUZMÁN TIRADO. Tomo I. La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas*. Madrid: Rubiños-1860, S. A., 795–798.

ГУТОВСКАЯ, М. С., 2011. К вопросу о национальном во фразеологии. *In: Ред. В. М. МОКИЕНКО. Фразеология и языковая динамика*. Greifswald–Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald: Philosophische Fakultät; Филологический факультет СПбГУ, 102–106.

ГУТОВСКАЯ, М. С., 2014. Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования. *Respectus Philologicus*, № 25 (30), 31–52.

ЗАЛЕВСКАЯ, А. А., 2007. *Введение в психолингвистику*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

КОВШОВА, М. Л., 2012. *Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры*. Москва: ЛИБРОКОМ.

КРАВЦОВ, С. М., 2008. Фразеология и когнитивная лингвокультурология. *In: Ред. Н. Ф. АЛЕФИРЕНКО. Фразеология и когнитивистика*. В 2 т. Т. 1. *Идиоматика и когнитивная лингвокультурология*. Белгород: БелГУ, 219–223.

МОКИЕНКО, В. М., НИКОЛАЕВА, Е. К., 2002. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира. *Rossica Olomucensia*, XL, 17–34.

РАЙХШТЕЙН, А. Д., 1980. *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. Москва: Высшая школа.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

KEYSAR, B., BLY, B. M., 1999. Swimming against the current: Do idioms reflect conceptual structure? *Journal of Pragmatics*, 31, 1559–1578.

LAKOFF, G., JOHNSON, M., 1980. *Metaphors we live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

LID – *Longman Idioms Dictionary*, 1998. Harlow: Pearson Education Limited.

Marina Gutovskaya

Belarusian State University, Belarus

Research interests: cognitive linguistics, semantics, phraseology

THREE TYPES OF ETHNO-SPECIFICITY IN PHRASEOLOGY: ETHNO-LINGUISTIC, ETHNO-CULTURAL, AND ETHNO-COGNITIVE SPECIFICITY

Summary

The ethno-specific phraseology – the phraseology which manifests interlanguage differences – is contemplated in the paper considering the phraseology corpora of the Russian and English languages. The popular opinion that ethno-specificity in phraseology is predetermined solely by unique features of the national culture is questioned. The three types of phraseological ethno-specificity are differentiated: ethno-linguistic

(ensured by distinctive features of the national language), ethno-cultural (connected with the originality of the national culture), and ethno-cognitive (ordained by the uniqueness of the national worldview). The characteristics of the phraseological units that belong to each of the three types of ethno-specificity are enumerated, and the circles of questions on the ethno-specific phraseology to be studied within traditional linguistics, cultural linguistics, and cognitive linguistics are outlined. The possibility of coexistence of several types of ethno-specificity in one phraseological unit is shown. It is noted that in order to comprehend ethno-specific phraseological units of the three types a different degree of immersion in the foreign linguistic-cultural-cognitive space is required.

KEY WORDS: phraseology, ethno-specificity, ethno-linguistic, ethno-cultural, and ethno-cognitive specificity.

Gauta 2014 09 15

Priimta publikuotui 2015 01 15